

2'16

Ж
К

ЛитПремьера:
Современная
малая проза

Литературно-публицистический
Журнал КЛАУЗУРА

Журнал КЛАУЗУРА ЛитПремьера: Современная малая проза

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17194936
ISBN 9785447452445*

Аннотация

ЛитПремьера – это рубрика Журнала «КЛАУЗУРА» в которой публикуется малая проза современных авторов. В этот сборник вошли самые лучшие произведения, объединенные одной темой «Наша жизнь в реалиях и грёзах». Рассказы, сатира, юмор, сказки, эссе и даже «сонеты в прозе».

Содержание

В этом выпуске	7
Наталья Невская. «Сказка про фирму „Падишах и К*“»	9
Анастасия Зарецкая. «Розовая мечта Ивана Тетёркина»	21
Владимир Аветисян. «Кроссворд жизни»	26
Эдуард Абжинов. «...И потянулись мои руки»	33
Аркадий Паранский. «Когда святые маршируют...»	37
Владимир Корнилов. Рассказы на Масленицу	46
Масленица	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

ЛитПремьера:
Современная малая проза
2'16
Журнал КЛАУЗУРА

© Журнал КЛАУЗУРА, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

журнал К

Литературно-публицистический журнал «КЛАУЗУ-РА»

Зарегистрирован в РОСКОНАДЗОР

Рег. № Эл ФС 77 – 46276 от 24.08.2011

Рег. № ПИ № ФС 77 – 46506 от 09.09.2011

Главный редактор – Дмитрий Плынов

e-mail: text@klauzura.ru

тел. (495) 726—25—04

Адрес редакции: г. Москва, ул. Академика Королева,

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ

- 1. Наталия Невская. «Сказка про фирму „Падишах и К*“»**
- 2. Анастасия Зарецкая. «Розовая мечта Ивана Тетёркина». Юмористический рассказ**
- 3. Владимир Аветисян. «Кроссворд жизни». Сказ**
- 4. Эдуард Абжинов. «...И потянулись мои руки». Эссе**
- 5. Аркадий Паранский. «Когда святые маршируют...». Рассказ**
- 6. Владимир Корнилов. Рассказы на Масленицу**
- 7. Илья Криштул. «СМЕНЯХВАТИТ!». Сатира**
- 8. Сергей Прохоров. «Шутка». Юмористический рассказ**
- 9. Борис Кунин. «Обжорство. Смелость. Трусость»**
- 10. Нина Турицына. «Трагическая актриса». Почти быль**
- 11. Анатолий Казаков. «Святодавнішня Русь!». Рассказ**
- 12. Сергей Калабухин. «Ночь и вся жизнь». Рассказ**
- 13. Галина Зеленкина. «Янек и Бася». Сказка**
- 14. Александр Акимов. «Неразорвавшийся снаряд». Рассказ**
- 15. Павел Алексеев (Точка). «Тени». Рассказ**

16. Александр Фитц. «Путешествие во Фрайзинг».

Рассказ

17. Елена Арапова. «Среди белых стен». Рассказ

18. Юрий Резник. «Волк». Рассказ

19. Леонид Егоров. «Снегопады». Рассказ

20. Ольга Вербовая. «Снежная королева». Рассказ

21. Людмила Макарова. «Автобусная Остановка».

Рассказ

22. Светлана Смирнова. «Чайная роза, зелёный листок...». Рассказ

23. Алексей Дубровин. «Пуповина». Рассказ

24. Юлия Нифонтова. «СПАСИ МЯ!». Рассказ

25. Лариса Петрова. «Лизка». Рассказ

26. Любовь Рыжкова-Гришина. «Закон Звезды».

Венок сонетов в прозе

Наталия Невская. «Сказка про фирму „Падишах и К*“»

В далекие-предалекие времена в благословенном Багдаде жил-поживал, богатство и славу наживал купец Аль-Ат-Дин. Его потомки и ныне промышляют тем же ремеслом, но о славе уже не помышляют и зовутся не купцами, а бизнесменами. Но мы обратим свой взор в прошлое. Люди любят вспоминать ушедшее и отдыхать мыслью в сказке. Кто знает, быть может лет через двести наши потомки будут рассказывать своим внукам волшебные истории о мирном, добром, спокойном XXI веке...

Итак, в благословенном Багдаде, на веранде прекрасного дома, на тахте, поджав ноги, подложив и подоткнув под себя бесчисленные подушечки и подушки сидел купец Аль-Ат-Дин. Он отослал слуг, устремил взгляд в небеса и погрузился в мысли. Красное солнце медленно опускалось за горизонт, заливая город прощальным закатным светом, муэдзин уже совершил вечерний намаз, обратившись к Аллаху с просьбой о спасении всех правоверных. Сперва в вечернем Багдаде слышались еще какие-то непонятные стоны, причитания и гневные выкрики, но постепенно все стихло и, наконец, воцарилось спокойствие, подобающее городу, являющемуся, по убеждению багдадцев, центром вселенной. Пле-

нительный аромат роз и пение соловьев наполняли воздух. Но Аль-Ат-Дин не замечал ничего. Он что-то высчитывал и подсчитывал, периодически раздражаясь горестными стенаниями, и чалма его, казалось, тоже переживала, качаясь в такт воплям купца.

Аль-Ат-Дин рассчитывал на изрядную прибыль от продажи нового товара, а оказался в убытке. Мало того! По Багдаду поползли слухи, что почтенный старец, убеленный сединами, вооруженный опытом, обладающий несметными богатствами и красивейшими в Багдаде наложницами, связался с шайтаном.

А все произошло так. В ночь полнолуния, три недели тому назад, Аль-Ат-Дину приснился странный сон. Прелестная пери погладила его по чалме, потом дернула за белоснежную бороду и ласково прошептала:

– О, Аль-Ат-Дин! Я знаю, ты ценитель женской красоты, как и ваш падишах, и я открою тебе секрет. Пойди в далекие туманные горы, найди дикое Синее Ущелье, спрятавшееся в облаках, спустись по осыпям вниз, отвали камень у ручья, струящегося по дну. Ты увидишь вход в пещеру. Войди, не бойся! Там будет ждать тебя подарок в ларце из сандалового дерева. Его прислали тебе твои прапрапраправнуки. Они, как и ты, купцы и, как и ты, ценят женскую красоту. Поэтому-то они хотят помочь тебе в твоём деле. Подарок называется на их языке «опытный образец». Если он тебе понравится, они будут доставлять тебе подобный товар в пеще-

ру, только уже не в ларцах. Сандаловых роц не напасешься! Но запомни, если расскажешь это кому-нибудь, останешься в пещере навеки. Дай сам себе обет молчания!

– Даю слово купца! – торжественно произнес Аль-Ат-Дин. – В те времена не знали таких понятий, как вексель, накладная, банк прогорел, фирма лопнула, и верили друг другу на слово. Смешные люди!

Аль-Ат-Дин проснулся, зевнул, почесал бороду и согнал любимого кота с любимой подушки, где вытканная шелком райская птица сверкала удивленным глазом из драгоценного камня. Погладив обиженного любимца, он сам уселся на подушку – на ней ему хорошо размышлялось. Синее Ущелье слыло заколдованным местом, откуда не возвращался ни один пехлеван, кто знает, быть может, красавица пери желала его гибели! Он отказался от плова, от шербета и долго сидел и думал. Наконец морщины на его лбу разгладились: он не доверял женщинам, но верил снам и решил рискнуть еще раз. Купец велел приготовить любимого коня. Жеребец гневно вращал огненными глазами, храпел, бил копытом, но потом смирился и разрешил себя оседлать.

Аль-Ат-Дин ехал долго, пока горы из маленьких пальчиков на горизонте не превратились в каменные громады. Конь ступал всё медленнее и наконец стал совсем, а горы обступили путников со всех сторон. Купец свел коня по каменистому склону вниз, в Синее Ущелье, и привязал к сухому дереву. Пока всё было так, как поведала ему пери: струился

ручей и возвышался огромный камень. «Как справиться мне с ним? – подумал купец. – Никого нет, да и я должен молчать! Остается только надеяться на аллаха».

Аль-Ат-Дин усердно помолился, а потом толкнул камень. Тот завертелся и упал на бок, открыв узкий лаз. Купец собрался с духом и, согнувшись в три погибели, пролез в пещеру. Глаза его привыкли к темноте, он заметил, что может выпрямиться: своды пещеры уходили вверх и, казалось, таили целые полчища крылатых чудовищ. Аль-Ат-Дин огляделся и вскрикнул от ужаса – прямо перед ним белела груда костей и черепов. Вот что стало с храбрыми пехлеванами! Но тут в середине пещеры вспыхнул таинственный огонек, он вначале дрожал, а потом замерцал ровным и теплым светом. И Аль-Ат-Дин решил не отступать: он перебрался через преграду из костей и направился к странному светильнику. Огонек разгорался все сильнее, и в его свете Аль-Ат-Дин увидел прекрасный ларец из сандалового дерева. Ларец украшали изображения диковинных птиц и невиданных зверей, а свет шел изнутри. Ларчик словно ждал Аль-Ат-Дина, потому что при его приближении раскрылся словно бутон, и перед изумленным взором купца предстал непонятный, совершенно волшебный предмет. Это был шестигранник, размером с любимую подушку купца, но было ясно, что он вовсе не мягок, а будто выточен из черного мрамора и таит в себе неведомую силу. Шестигранник слегка отливал серебром, одна сторона его зеркально блистала, как доспехи погибших

пехлеванов, а внизу, – в том месте, где на подушке переливался драгоценный глаз райской птицы, – торчала какая-то круглая, неказистая бляшка ли, монетка, цветом походившая на соблазнительные карминовые губки младшей жены Аль-Ат-Дина. Купец разглядывал чудесный шестигранник со всех сторон, мечтая до него дотронуться, но не смея. Внезапно из глубины пещеры раздался страшный рев, стены ее задрожали, посыпались камни, и перед Аль-Ат-Дином вырос огромный, ужасный дэв.

– О, смертный! – зарычал дэв. – Готовься к гибели. Я сейчас сделаю с тобой то, что уже сделал со ста тридцатью воинами, хотя они были жилисты и сухи. То ли дело ты – хоть и седой, но гладенький и соченький, как спелая хурма, кругленький и розовенький, как гранат-нар. Ты подоспел вовремя, я уже проголодался и съем тебя!

Дэв рычал так страшно, что 30 нукеров, спешивших на поле битвы, спешили и спешно пошли дальше пешком. А ведь они были очень далеко от Синего Ущелья! Дэв облизнулся и распахнул огромную зубастую пасть, а купец вскрикнул, обреченно зажмурился и закрыл голову руками. При этом он нечаянно ткнул красную бляшку локтем. Раздался сухой щелчок, по зеркальной стороне шестигранника поплыли тени, и вдруг перед глазами купца возникло видение. Прекрасная гурия, голая и без чадры, подносила к прелестным губкам красную пиалу, что-то отпивала из нее и приготавливала: «Хочешь быть счастливым? Хочешь быть здоро-

вым? Хочешь быть удачливым? – Пей чай «Букет моей бабушки»!

Купец остолбенел и застыл на месте, но не от страха, а от возмущения – чай «Букет моей бабушки» считался в Багдаде невероятной дрянью. А дэв в ужасе вылетел из пещеры, с диким воем пронесся над Багдадом и исчез навсегда. Бедный дэв! Он никогда не видел голых женщин!

Аль-Ат-Дин погрузил чудную гурию на коня и медленно поехал назад, в Багдад. По дороге он все время спрашивал у нее:

– О свет очей моих! Тебе удобно?

Но девушка словно не слышала его, не отвечала, пила свой чай и монотонно бубнила одно и то же. Вы, конечно, догадались, что потомки прислали купцу в подарок цветной телевизор, опытный образец новой серии, который показывал только одну рекламу!

Аль-Ат-Дин, не раздумывая, напрямик направился во дворец падишаха. Он слыл самой умной и важной шишкой (VIP) среди придворных и умел следовать золотому правилу: «лучше подарить с улыбкой, чем у тебя отнимут с мечом».

Падишах страшно обрадовался подарку. Он был молод, красив, но слишком важен и считал, что не должен никогда улыбаться. Поэтому падишах немножко напоминал надутого индюка. Но увидев красавицу, пьющую невкусный чай, зато без шальваров и даже без чадры, очень развеселился и стал

еще краше.

– Вах-вах! – рассмеялся падишах. – Очень полезная вещь. Но потомки ведь не дураки, а купцы, и они не просто так прислали ее, они захотят что-то в обмен!

Так падишах, сам того не зная, открыл 1-й закон бизнеса – закон бартерной сделки. И как мы теперь знаем, и этот закон, и все последующие остаются непреложными истинами во всех сферах деятельности человека. Аль-Ат-Дин согласно кивнул головой:

– О да, наимудрейший и наивеличайший из всех мудрейших и величайших падишахов! Я думал об этом и вот что придумал. Видишь, у них всего одна гурия, одна пиала, и они пьют такую отраву. Значит, мы дадим им много-много наложниц, много-много пиал и много-много чая.

– Да, этого добра хватает! – обрадовался падишах. – Он не знал, куда деться от гарема. Наложницы и жены ссорились, капризничали, каждая старалась доказать, что она лучше других, и все они постоянно танцевали танец живота. Согласитесь, что это скучно. Нет, конечно, один живот – это прекрасно, два живота – хорошо, но тысяча – можно сойти с ума! Падишах даже засмеялся от радости, что наконец сможет спокойно вздохнуть.

Так был открыт 2-й закон бизнеса: давай в обмен то, что тебе не нужно.

– Да, это чудесно, слава аллаху! – воскликнул падишах и добавил. – И пусть они танцуют везде, где только мож-

но! Пусть веселятся теперь все, а не я один, сколько можно за всех отдуваться?!

Нам следует считать этот момент историческим – так на свет появился знаменитый революционный лозунг «Искусство – в массы!»

Но падишах и купец ничего не почувствовали, целиком погрузившись в диалог.

– Наш чай, наши пиалы сами за себя говорят: все знают, как они хороши, – продолжал Аль-Ат-Дин, а вот наложницы... – он удрученно покачал головой. – Ага! Придумал! Мы их расхвалим.

– Но Медина – старая, – поморщился падишах и принял-ся загибать пальцы, – Зейнаб – кривая, Зарифа – хромая, Мехрибан – лысая, Гюльнар – беззубая, Шовкет – болтливая, Сафура – глупая.... – правитель был не только мудр, но и мягкосердечен, а потому никак не мог решиться на «сокращение штатов».

– Неважно, – улыбнулся купец, – мы их будем хвалить долго-долго, и потомки в конце концов нам поверят.

Так они открыли 3-й закон бизнеса: без рекламы нельзя начинать дело, или «реклама – двигатель торговли». Но падишах, как повествует легенда, был не просто мудрым, а очень мудрым, потому что сказал:

– Надо хвалить, но не очень! Иначе мне станет жаль их отдавать, а потомки задумаются, почему я так легко расстаюсь со столь ценным товаром.

Так был открыт 4-й закон бизнеса: реклама должна быть умеренной, чтобы производить впечатление честной. Всё хорошо в меру!

Аль-Ат-Дин в восторге закатил глаза и завел свое: «О мудрейший! О величайший!».

Падишах выслушал его излияния благосклонно, а затем величаво кивнул головой:

– Что ж, теперь мы заключим Уговор.

В старину считали, что «уговор – дороже денег», но в ходе войн и революций приставку «у» с радостью заменили приставкой «до». И верно сделали! Сами посудите, что такое «у»: устроить (своего сыночка), уползти (в свой уголок), унести (свои ноги) ... И вообще от этого «у» мещанством несет за версту: у печки, у речки, у самовара – я и моя Маша!

Зато как звучит «до»: достроить (коммунизм), доползти (до светлого будущего), донести на... (тут и без комментариев все ясно). Единственный глагол с «у» пользовался бешеным успехом: упечь! Вот и «уговор» заменили «договором», на первое место вылезли деньги, а договоры стали с удовольствием нарушаться. Но падишах и Аль-Ат-Дин не думали о будущем, они обсуждали настоящее.

– Напишем фирман, – падишах величаво (он все делал величаво!) поскреб бородку, – где укажем, кто сколько получает и, кто за что отвечает. Из ста динаров ты, Аль-Ат-Дин, будешь отдавать мне только восемьдесят динаров, а себе брать целых двадцать! Это справедливо, ведь тебе всего-навсего

придется доставить товар из пещеры во дворец, товар на обмен – из дворца в пещеру, уговорить наложниц, уговорить потомков взять наложниц...

А мне придется, – падишах величаво и скорбно вздохнул, – за все отвечать.

Так был открыт 5-й закон бизнеса: о распределении прибыли и налогах на нее. Что оставалось делать купцу?! Он вздохнул, но совсем не так, как падишах, а еле заметно и согласился со своим повелителем.

Так вступил в силу 6-й закон бизнеса: босс всегда прав.

Писец при написании фирмана сделал ошибку: пропустил окончание – букву «н». И появилась первая в мире «ФИРМА». Ни падишах, ни купец читать не могли, хотя счетом во всех его видах – подсчетом, обсчетом – владели в совершенстве. А тот, кто читать умел, никогда бы не посмел усомниться в мудрости падишаха. Так все и привыкли к новому слову, которое затем перешло по наследству потомкам.

Странно, но фирму «Падишах и К*» постигла участь многих фирм, наших современниц, – она лопнула! Тому оказалось много причин. Сперва возмутились наложницы, потом все жены в Багдаде. Их повелители и мужья ничего не хотели делать, даже повелевать, а целыми днями напролет смотрели телевизор. Затем принялись скандалить продавцы посуды:

– Что?! – вопили они. – Кроме красных пиал, не из чего пить чай? Есть другие цвета, есть другая посуда: чашки, чашечки, стаканы, стаканчики-армуды!

Потом перед дворцом падишаха возник стихийный митинг против чая «Букет моей бабушки». Организовались разные партии: любителей китайского чая, грузинского, индийского, цейлонского. Они ссорились между собой и попеременно устраивали демонстрации под окнами падишаха, выкрикивая лозунги, потрясая кулаками и транспарантами. И лозунги, и транспаранты начинались с одного слова, до сих пор неведомого в Багдаде: «Долой!» И если раньше, прежде чем отойти ко сну, жители Багдада напевали: «В Багдаде все спокойно», то теперь они перестали петь, стали с горя пить, но уже не чай, и ругаться по каждому пустяку. Со всем плохо пришлось несчастному Аль-Ат-Дину: его винили во всех несчастьях, в связях с шайтаном, в стремлении угодить неверным и, конечно же, перестали покупать его товар – лучшую в Багдаде сафьяновую обувь. Даже наложницы и жены купца бунтовали: старшая жена пересолила плов, младшая пересластила пахлаву....

В общем, жизнь купца, да и всех багдадских жителей, превратилась в сущий ад. И тогда, чтобы прекратить волнения, мудрый падишах написал новый фирман, где повелевал бросить дар потомков – гурию, дочь шайтана, в глубокое Синее Ущелье и под страхом смерти никогда более о подарочке даже не вспоминать! Фирман венчал наказ потомкам: «И думать забудьте про телевизор!»

Так Багдад справился с телевизионной хворью и рекламным недугом. Но поколения за поколениями жили по соб-

ственным законам, не внимая мудрому предостережению пращуров, и теперь хитрая гурия гоняет чай в каждом доме.

А законы бизнеса перекочевали в Высокое Искусство, и оно стало называть себя шоу-бизнесом, вначале краснея и стыдясь, но очень скоро – с гордостью.

Аль-Ат-Дин, обратись он к потомкам, недовольно бы покачал головой, погладил свою бороду и укоризненно поцокал бы языком:

– Тц, тц, дети! Вы ни во что не ставите опыт стариков. Плохо! Как бы вам не поплатиться за неуважение к сединам! Бедные вы, неразумные...

И надо же, он оказался прав, этот Аль-Ат-Дин: прогресса и модернизации, бизнеса и шоу-бизнеса, телевизоров и рекламы с каждым днем становится все больше, а спокойствия и просто хорошего чая – все меньше...

Эх жаль, нет на нас того багдадского падишаха!

Наталья Невская

Анастасия Зарецкая. «Розовая мечта Ивана Тетёркина»

Юмористический рассказ

Позвольте представиться, искусствовед, Иван Тетёркин, 30 лет. Как видите, ещё вполне молодой человек, но уже достаточно сложившийся специалист, так сказать, знаток изящного, то бишь искусства. Что? Не верите? Могу диплом показать! Вот он новенький, чистенький, синенький! Я его как раз в прошлом году получил. Никогда не забуду торжественные лица преподавателей, вручавших его. Сам ректор пожал мне руку, приговаривая: «Молодец, Тетёркин! Молодец!» – а потом сказал несколько напутственных слов, правда, не помню точно каких именно, и поэтому не буду вас зря обманывать.

Надо сказать, диплом этот обошёлся мне очень дорого! Нет, конечно, не в смысле денег. Эта корочка нисколько мне не стоила, т.е. досталась даром. А вот чтобы даром её получить пришлось мне, конечно, потрудиться! Ну, чтоб окончательно стать искусствоведом, узким и широким специалистом. Тут я сознаюсь вам, сперва думал защитить диплом – дело пустяшное: ничего нового и придумывать не надо (это ж не картину писать, да ещё маслом!!!), всё уже написано и переписано давно, остаётся только всё заново перечитать и пе-

реписать: здесь абзац убрать, а там прибавить. И всё – и шито-крыто. Аннет. Видите ли, профессорам нашим не нравились темы, которые я выбирал. Говорили, мол, сомнительные они какие-то. Вот послушайте: «Зелёный цвет в творчестве И. Шишкина» или вот ещё: «Синий – в творчестве И. Айвазовского». Были и посложнее: «Голубой – в творчестве Пикассо» и «Чёрный – в творчестве Малевича». Но последние мне даже и вовсе запретили, сказали, что их я уж точно не осилю. Вот как! Не осилю! Надо же! Ну, думаю, что ж я здесь столько лет околачивался и не смогу какой-то диплом написать! Ну, уж не-ет! Меня так просто не сожрёшь!

И начал я думать, какую же такую тему мне забавать, чтоб у моих профессоров не возникло ни капельки сомнения в моих умственных способностях по искусствоведческой части. И вот, думал я, думал. Несколько ночей не спал, похудел даже. Забыл о своих любимых пирожках с картошкой. И вместо обычных 92 кг стал весить не больше 88. Да-а, тяжёлая жизнь для меня настала, скажу я вам. И вот однажды утром меня словно озарило: «Розовая мечта французских мастеров»! Я быстро набросал план своей будущей работы и помчался в университет, чтоб услышать все «за» и «против». И к моему великому удивлению тему утвердили! А дальше всё как по маслу: читал-перечитывал, выписывал-вставлял. И всё – работа моя готова! Теперь вспоминаю только слова ректора: «Молодец, Тетёркин! Молодец!» А затем рукопожатия. Цветы. Овации. Голуби. Мы их в небо

запускали, ну, это так на память (чтоб их!) Чувствую я себя вполне счастливым. Снова свои 92 набрал. В общем, доволен.

Только вот недавно со мной произошёл пренеприятнейший случай. Было дело этой весной, а точнее в мае, когда птички поют, уже тепло и даже припекает. В общем, свежо, тепло, самая пора обновления. Именно тогда решил я устроиться на работу. И ни куда-нибудь, а в галерею. Я ж всё-таки искусствовед широкого и узкого профиля. Любая, какая ни насть галерея обязательно запретендует на собственную мою персону. И вот однажды прихожу я в галерею Н, чтобы поговорить о том, о сём, о том, например, какие дела нынче творятся в искусствах. Конечно же, я надеюсь, что обязательно спросят моего мнения в широком и узком смысле. Но какая же большая неожиданность для меня была, даже в своём роде некоторая неприятность, когда я узнал, что директор этой самой галереи никто иной, как просто-напросто художник. «Как?! – думаю я, – как такое вообще может быть?! Директор галереи и совсем не искусствовед и вовсе даже не узкого и широкого профиля?!» – возмутился я, конечно, про себя и нисколько не в слух. Но ещё большие неприятности для меня начались, когда он спросил: «Вы за кого? Поведайте мне как другу, вы за кого, за художников-реалистов или за так называемых „современных“? Вы должны определиться за кого именно вы, к какому лагерю примыкаете!» Меня смутил не только сам вопрос, но и то, с каким напором,

настойчивостью и непоколебимостью задал его собеседник. Я настолько смутился, что вместо слов: вы за кого? За реалистов или за современных, мне почему-то послышалось: «за красных или за белых?» А собеседник мой, не получив внятного и нужного для себя ответа, так и не утвердил мою кандидатуру.

Я пришёл домой совершенно разбитый, уничтоженный всего лишь одним вопросом: «вы за кого?» А я надеялся побеседовать о том, о сём, какие дела нынче обстоят в искусствах, вспомнить про зелёный цвет Шишкина и розовую мечту французов. Оказалось, что всё это совершенно никому не нужно. От меня требовался утвердительный ответ фаната: «За красных», в смысле, «За реалистов». А я почему-то не смог, растерялся. Надо было говорить: «No pasaran! Победа будет за нами!» А я безмолвствовал. Почему?! – вертелось у меня в голове. Истощенный и обессиленный я неожиданно заснул...

«Ты за кого?!» – кричал во всю глотку красный директор, скачущий на лихом красном коне и вовсю размахивающий такой же огненно-красной шашкой. Навстречу ему летело непонятное существо, снежно-белого цвета, нельзя было сказать, что бесформенное, скорее постоянно меняющее свои очертания, то геометрически точные, то абстрактно размытые. И вот настал момент великого рубища! Красный директор изо всех сил бился с белоснежным существом и при этом всё время оглядывался в мою сторону: «Ты за ко-

го?!»...

Я не выдержал. Проснулся. Был уже вечер. Я посмотрел в окно и увидел розовый закат. Он был прекрасен.

Анастасия Зарецкая

Владимир Аветисян.

«Кроссворд жизни»

Сказ

У нас на Узоле народ тёртый: перевидал на своём веку и голод, и холод, и великие посты. И сквозь нужду окаянных дней пронёс он мечту о грядущей благодатной жизни – авось, не мы, так хоть детки наши в достатке понежатся.

И то сказать, ведь кряхтя живём, брат: ночь во сне, день во зле – так оно и тянется это зряшное действо. Того и гляди, за недосугом без покаяния помрёшь. А кому-жизнь-то не мила!? И кто от хорошей-той жизни в петлю полезет?!

Эх, знать бы ещё, какая она – эта хорошая жизнь, как пахнет, и чем её запивают! Мы ведь её, как Христова Рождества дожидаемся!

А тут слышу, кричат: жизнь-то хорошая уже пришла, – глазки-то разуйте, люди!

Ага! Пришла... Явилась, не запылилась... Стоит на пороге да сверлит христианскую душу: это, мол, я – твоя хорошая жизнь! Але не узнал?..

Как не узнать? Все глазёнки проглядел ожидаючи. Входи, кума, раз пришла. И самовар, вон, уже стоит, попьём чайку, пошепчемся... Спрашиваешь, с чего это у меня рожа такая кислая? И почему я не скажу тебе пару ласковых?.. Нет,

кума! Слов-то не жалко, а вот нужных не подобрать! Хоть копейкой тебя обзови, хоть тетёркой дохлой кликни – мало-вато будет! Под горячую руку – ты и стерва, и докука мала-хольная, и вобла тухлая – прости Господи! – язычок-от без костей да без хрящика, чего с дури не ляпнет...

Вспомнился мне кум, Даниил Ильич, покойный свет. Он так говаривал: «Парнишки, не ищите хорошей жизни, – пустое дело. Лишь одно важно: чтоб пилось бы да елось, и чтоб работа на ум не шла. А чего ещё желать-то? Ведь помрём, ничего с собой не возьмём!»

И что он, старый хрыч, помереть так спешил, как поповна замуж? Нешто грешный человек рождён для одной лишь заботы – как бы себе брюхо набить до отвала да валяться на печи до одури, а там уж, Богу молясь, сойти в сырую землю? И не оставить под солнцем ни памяти о себе, ни следа? Говорил-то наш Ильич, как кроил, да швы у него все наружу...

Велика премудрость Божья, и одному человеку, видно, её не постичь. Может, кто иной дельнее скажет. Давайте-ка спросим Арсения Гузожирова: мужик он башковитый, авось, глубже копнёт. Гой еси, Арсений-свет Кузьмич, мы тебе челом, а уж ты знаешь о чём... Покручивает Кузьмич рыжий ус, покашливает в кулачок, – дескать, как не знать, – умный поп хоть губами шевели, а мы уж догадываемся. – Вот, мол, чего я вам скажу, дружбаны вы мои: жизнь не мудрёна, когда киса ядрёна; копите, пока копится, а будут денежки, будут и крылышки, – с ними и в гору, как с горы!

Эх, век бы тебя слушал, Кузьмич, только побойся Бога, не говори ты о деньгах, – от них, проклятых, нынче всё зло! Из-за них, проклятых, не стало теперь ни стыда, ни чести, ни совести! Люди во всём изверились. Иные уж и деньгам-то не рады: хоть с ними, хоть без них – один чёрт, – правды нигде не сыщешь, вот что! Семиликой она стала, шутовской колпак с бубенцами напялила, ходит меж людьми да позвякивает... Даром, что народу языки поразвязали, каждый теперь до всего договаривается – хоть святых выноси, да и сам уходи!

Гой еси, Степан Павлыч! Ефстифей Савельич! Кланяемся вам в пояс: одарите нас мудрым словом. Долги ваши годы, седы ваши бороды, вам ли не знать про хорошую-то жизнь?

Молчат старички, – знать, цену себе набивают: о чём, дескать, не сказывают, о том и не допытывайся.

Ай-ай, что уж так? Меня спросить, я и дорожиться бы не стал – выложил бы с три короба, какие сам чёрт на печку не вскинет! Был бы запрос, брат, а мы всегда с подачей. Как уж не поклониться в ножки властям за такую житуху! И то сказать, у русского мужичка в адрес любимых вождей всегда отыщется за пазухой крепкое словцо... Сказал бы, какое, – да не наш нынче черёд: у других сильнее наболело, пусть у них сперва отольётся слеза, а мы уж добавим... Только, чур! – хаять жизнь грешно! Не то дурно, как мы живём, а то – зачем мы живём? И то сказать, не живём, брат, а так, изгаляемся над жизнью. Опустили её ниже плинтуса, её богу!

Приравняли к обыкновенному кроссворду, мол, она устроенная по тем же меркам: «по вертикали» – власть, «по горизонтали» – народ!

К примеру, живёт на свете некий хрен, Мизгирь Свистоплясов. Рожей неказист, уменьем – не артист, да мешком харчист: на крепкой должности сидит – к «вертикали» присосался, одна рука в меду, другая в патоке. Он эту демократию «по горизонтали» только в бане признаёт, а в жизни – ни-ни! Попробуй, возьми его за жабры, – не выйдет. У него каждый поворот схвачен: любому законнику глаза замаслит и губки патокой запечатает. А полезешь на рожон, считай, ты списан, брат. Мизгирь, значит, живи, благоденствуй, потому как его доля – «по вертикали»!

Не в пример Онуфрию нашему, Кузякину: и дел невпроворот, и забот полон рот, а жизни никакой – хоть оторви да брось! А всё потому, что у него на лбу написано: «по горизонтали». Вот и знай, Онуфрий, свои полати, и нечего лезть в калашный ряд!

Как тут не смириться, брат, – раз обычай у нынешней жизни такой. Этим обычаем нынче каждого младенца с пелёнок по рукам повязывают – одним на роду смешное, другим слёзное; одним, значит, мясное, другим постное... Капитализм, говорят. Да слава Богу, что ещё живы! Даром что житьё как вытьё, а жаловаться не приходится. Лишь бы войны не было!

Как тут не сказать о Семихвостовых! Вот кто, брат, икона жизни. Вот у кого бы пример перенимать! Глаза на всё

наведены, нос держат по ветру, своего нигде не упустят. От того и дом у них полная чаша, и в семье лад херувимский – друг дружкой не надыхаются: она ему – «Мой Пахом с Москвой знаком!», он ей – «Моя Астра шустра и до вестей быстра!». Не речи – ангельская музыка! И сами-то чисто ангелы, брат, – небожители. У них особый нюх на «вертикаль» – отыщут её хоть на ощупь и присосутся намертво. Любые времена переживут, к любому правительству приноруются, голуби Моисея.

А взять Кукуевых, Тита да Мирошку. Жить, брат, не живут, а проживать проживают. Мирошка пьёт понемножку, а у Тита и пито, и бито. Заведётся в кармане денежка – пьют, гуляют, последняя копейка ребром: э-гей! – знай наших!.. Проспятся, встанут, – карманы в дырах, ножки съжились, живот Христа величает... Покряхтят, почешут затылки: «Ах, Дунае, мой Дунае...» Делать нечего, идут, сердешные, просить в долг, чтобы хворь согнать; глядишь, Христос по пути... Ведь и пользы от них, как от вербы яблок, а всё же и они – Божья тварь, – за жизнь зубами цепляются, так и тянут лямку, пока не выкопали ямку.

Вздохнёшь иной раз: ведь самая малая травинка и та жизни радуется, а что уж про человека-то калякать! Все мы под Богом ходим, и нам, рано или поздно, перед ним ответ держать. Хоть жировал ты «по вертикали», хоть маялся «по горизонтали» – один чёрт! – закрывай глазки да ложись на салазки! А помирать-то никому не хочется. Пока солнышко

светит, теплом его не насытится душа наша. Нет, как ты не крути, и у Кукуевых свой резон: есть деньжонки – живут «по вертикали», нет деньжонок – топают «по горизонтали». Путная ли, нет ли, такая жизнь – не нам судить: живы – и на том, слава Богу!

Про всех обсказали, про одних Коммунарковых не обмолвились. Чур, наперво – крёстное знамение... Еретики, брат, гнилая порода! Спят и видят, как бы из грязи да прямо в князи, и всё «аминем» да по-щучьему веленью... Только выходит один шиш! А потому ходят презлющие, всем-то недовольны, все-то перед ними виноваты. А уж сил нет, как завидуют чужому добру – ночи не спят: у других есть, а у них нет! Боже, святые крестители! Переполошили окрестных вещунов да гадалок: всё дознаться хотят, отчего это у людей и петухи несутся, и быки доятся, а у них и последняя скотина околеваешь?! Мол, видит Бог, и по будням-то затасканы, и не досугами заматы, и во шах-то ветчины нет, и денег-то девать некуда – кошель купить не на что... Послушаешь бедных, так уж рады бы смерти, да пришибить их некому...

Нет, брат, заезжому человеку они, может, и наденут очки на нос, а местный народ им задёшево не взять: знаем, где Савраска, а где Каурка!

Рассудить бы здраво: с чего бы им так завидовать? Коль у нас нет, пусть и у других не будет!? Вот, всё стонут: «по вертикали» им не воздастся никак. А сами-то палец о палец не ударят! Привыкли на жизнь колуном замахиваться,

и теперь нороят пасть ей порвать да туда на четверне с оглоблей въехать – хоть лопни!

Придержите коней, рождёные! Не жизнь виновата в вашей дурусти. А уж на всякую дурусть у неё припасена своя премудрость. И в Писании сказано: что ты, милоч, посеешь, то ты, голубок, и пожнёшь! А как же иначе-то? Посеял с гулькин нос, а собрался пожать на три амбара да на двенадцать закромов?.. Не выйдет, мой барин! «Вертикаль» с «горизонталью» должны сойтись в кресте да поладить меж собою, тогда-то и наступит вечный Иерусалим... Таков обычай, брат, – железный кроссворд жизни.

Владимир Аветисян

Эдуард Абжинов. «... И потянулись мои руки» Эссе

...И потянулись мои руки к Свету, и наполнилось сердце мое силой Света, и запели голоса, до этого умолкшие. И голос обрел звучание мягкое, но твердое, и ум мой очистился от пелены густого, серого тумана. Откуда он? Свет, что до этого был лишь неясным сном? Что за длинный тоннель, в котором я шел и, не понимая, сколько нужно еще идти? Без поводыря – слепой и глухой, жалкий и несмелый, убитый своими же домыслами по «поводу» и «без», нелепыми нагромождениями мыслей, в которых сам расставил капканы, чтобы в них же и попасться. Я, который переживал и взлеты, и падения, думая, что становлюсь опытнее, а мое жалкое существо, тут же ввергается в пучину глупостей, а вереницы путаных дорожек, переплетаясь, скручивают все твоё движение, и чем больше дергаешься, пытаешься выкрутиться, тем туже тебя перекручивает это страшное существо, непохожее ни на один самый коварный цветок. Скручивает, прежде, чем выбрасывает твой мумифицированный труп, который при каждой попытке двигаться начинает рассыпаться.

Нет сил, чтобы подняться, чтобы пошевелиться и даже дышать. Задыхаешься, даже когда воздух чист и прозрачен,

умираешь от непонятной, черной тоски, даже когда лучи солнца играют на белых березах, искрясь в миллионы разноцветных искр, когда густые синие тени покрывают густую, зеленую траву. И, кажется, не будет конца этим страшным минутам и сколько еще нужно ждать и чего именно?

Но вот, когда ты уже совсем на краю обрыва и боль выела всю душу без остатка большой ложкой, словно всю мякоть арбуза; и вот когда вся надежда о том, что может быть, ты выживешь, оставила тебя – появляется Свет. Сначала ты начинаешь вдруг чувствовать, что ты не чувствуешь душевизирующей боли, привычный ход мыслей по замкнутому кругу, как бесконечное наказание – куда-то исчезло все разом. Тебе начинает казаться, что воздух стал глубоко с каждым вздохом наполнять легкие. Небольшое волнение. Почему? Что изменилось? Куда исчезли привычный страх, истерзавший все сердце. Прислушиваешься к себе, как в тихом лесу к звукам, которые на самом деле и рожают привычную тишину. Не веришь. Ждешь. А вдруг показалось? А вдруг все те ломки, к которым невозможно привыкнуть, сколько не «закаляйся» вернуться и тогда все – опять снова – бесконечная тупая боль.

Смотришь на свои руки – они все те же, но, кажется, они стали изящнее, послушнее. Захотелось этими руками что-то взять, пощупать, обрета связь с внешним миром. Захотелось посмотреть в зеркало и увидеть там свои глаза, на которые ты не мог еще недавно смотреть, потому что там были чер-

ные дыры вместо глаз, которые выклевали вороны из черных дней твоих. Вдруг захотелось сделать себе чай и почувствовать его вкус, который до этого был безвкусной жидкостью для нужд твоего убитого организма. За окном осенний первый снег уже в сумерках вечера показался предвестником белой, сказочной зимы и хоровод улыбок веселых лиц в предновогодние дни показался таких явственным. Изнутри, слово из-под земли стал пробиваться фонтан, который тонкими струйками подходил к сердцу, а потом к глазам, но плакать не хотелось. Это такое чувство, когда хочется лить слезы, но только от какого-то вдруг нахлынувшего счастья, что ты вдруг что-то понял такое, после чего вся твоя жизнь должна пойти совсем по другим рельсам. По каким именно – пока не ясно, но ясно одно: тебе дается еще один лист белой бумаги и теперь ты можешь заново переписать свое продолжение. Продолжение своей жизни. Трогать такой лист и вовсе не хочется, потому что белее белого листа нет ничего лучше. За спиной у меня недокрашенный белый холст – это моя очередная картина, в которую так хочется вдохнуть жизнь – новую и насыщенную. И вот ты понимаешь, именно понимаешь, что как только ты начнешь опять тянуть, придумывать, говорить, не глядя в глаза, недослушивать; придумывать снова, раздражаться, висеть на телефоне в глупой болтовне, откладывая-перекладывая, не слушать свое сердце... наступает черная, длинная и холодная ночь, в которой ты серая тень, умершая душа, умирающая от боли

долгой и вязкой, и бесконечно замкнутой.

...И потянулись мои руки к Свету, и наполнилось сердце мое силой Света, и запели голоса, до этого умолкшие...

Эдуард Абжинов

Аркадий Паранский. «Когда святые маршируют...» Рассказ

– Ну ка, Паранский, зайди в класс, – сказал мне на одной из переменок наш преподаватель Юрий Ильич или, как его звали за глаза, «Шкаф».

– А что такое? Я ничего не делал, – стал оправдываться я.

– Зайди – зайди. Разговор к тебе есть.

Я, нехотя, засеменял за «Шкафом».

«Шкаф» преподавал в нашем 8Б физику и труд. Чаше порознь, но иногда и одновременно, стараясь на практике продемонстрировать полезность знания всеобщих физических законов. Он был здоров и могуч, внешне больше походил на борца или боксёра, за что и прозвище имел соответствующее. Ростом – под два метра, необыкновенно широкий в плечах, с сильно развитой мускулатурой, рельефно выступающий через материю плотно облегающего пиджака, со скуластым лицом, по которому, будто кто-то проехал, оставив в наследство сплюснутый нос, глубоко посаженные под низко нависающими бровями глаза и совершенно квадратный подбородок. Вмазать по такому подбородку было, наверное, одно удовольствие, но поди допрыгни сначала, да и вряд ли к нему допустили бы здоровенные, размером с кувалду ку-

лачища. Короче, не школьный учитель, а Джемс Бонд какой-то. Но при этом разговаривающий несоответствующим комплекции тихим и немного вкрадчивым голосом.

Войдя в класс, «Шкаф» водрузил свой обширный зад на учительский стол, а мне указал на стоящую в первом ряду парту.

– Вот что, – начал «Шкаф», глядя не на меня, а в открытую дверь, за которой по коридору проходила училка русского языка и литературы – Маргарита Михайловна – наша классная, по прозвищу «Маргаритка». – Значит, такое дело... – он ещё раз посмотрел на удаляющуюся стройную фигуру «Маргаритки» и продолжил, – такое дело... Я хочу организовать ансамбль. Ты, я знаю, в музыкальной школе учился. На чём?

– На скрипке, – растерянно ответил я.

– Вот и отлично. На барабанах стучать будешь.

– Почему на барабанах, – до конца, не въезжая в ситуацию, спросил я.

– Потому что гитаристы уже есть. Баян есть. Я – на саксе буду. Ударник нужен. Ударником будешь?

– Да не знаю я. Не пробовал никогда.

– Как у тебя с чувством ритма?

– С каким чувством? – не понял я.

– С чувством ритма. Повторить ритм мелодии можешь?

В ладоши прохлопать можешь?

– Наверное...

– Да сможешь. Раз музыке учился – сможешь. А, вообще, как? Хотел бы? А? Ударником? Первым человеком в ансамбле. Представляешь?

Я не знал представляю я или нет, но на всякий случай сказал, что – ясное дело, представляю и конечно хотел бы.

– Тогда так. После уроков останься. Будет сбор коллектива. А сейчас дуй... что там у вас?

– Математика...

– Ну – дуй. Если спросят, почему опоздал, скажешь, Юрий Ильич задержал.

– Хорошо, – ответил я и понёсся на пятый этаж, где в математическом классе уже минут десять как шёл урок

После занятий я пришёл в класс физики. Там уже были Вовка с Аликом и какой-то незнакомый молодой человек лет двадцати – двадцати пяти. «Шкаф» сидел в той же позе, что и при разговоре со мной.

– А... вот и наш ударник явился.

Все посмотрели на меня.

– Прошу любить. Звезда нашего будущего инструментального ансамбля, король барабанов, чарльстона и тарелок, а также бонгов, перкуссий и прочих ударных, мечта всех школьниц нашей школы и, надеюсь, не только их – сэр Паранский ибн Аркандилий, а попросту – Аркаша.

– Ухты, – вскочили Вовка и Алик, – здорово. Значит все из одного класса. Классный ансамбль получится...

Ко мне подошёл молодой человек и протянул руку.

– А меня зовут Таир или Толя, как хочешь.

Толя – Таир был братом Алика, заканчивал музыкальное училище и, как оказалось в дальнейшем, мог творить на своём «Вельтмейстере», такие штуки, которые нам и не снились. За Вовкой была закреплена ритм-гитара, поскольку он занимался в гитарной студии при доме культуры, а за Аликом – бас. Таким образом состав нашего будущего коллектива был определён: саксофон или кларнет, баян, две гитары и ударные. Вполне ничего себе составчик.

На следующий день меня в коридоре остановил «Шкаф».

– Иди за мной.

В классе он открыл дверь в служебный кабинет, где на полках стояли разнообразные приборы и приспособления для опытов, и из письменного стола достал две изящные полированные барабанные палочки.

– На. Пока барабанов нет, будешь тренироваться на коленке. Садись, покажу – как.

Я сел на стул и стал внимательно следить за манипуляциями «Шкафа».

– Смотри, – Ильич взял палочки, зажав их между средними и безымянными пальцами рук, и несильно начал отстукивать сначала по коленке, а затем по краю стола, приговаривая. – чип-чита, чип-чита, чип-чита... Понял? – спросил он. – Это – свинг, ритм такой, самый распространённый в джазе. А это – боссанова, – и он снова забарабанил по коленке, напевая знакомый мотив, – тапата-тапа-тата, та-

пата-тапа-тата... Понял?

– Понял, – сказал я, взял, как показал «Шкаф», палочки и неуверенно стал повторять показанные движения.

– Молодец, – похвалил Юрий Ильич, – точно. Тренируйся. Получим деньги и поедем инструменты покупать. Все вместе. Да... а дома стучи под музыку. Как купим инструменты, сразу начнём репетировать.

Целыми днями, словно заведённый, долбил я палочками по своим коленкам. И в школе – на уроках, не слыша того, что говорили учителя, и дома, забыв все дела, обязанности, развлечения. Остались только барабанные палочки и повторяемый в уме ритм – чип-чита, чип-чита, чип-чита...

Через неделю всей командой мы отправились в музыкальный магазин. С витрин на нас смотрели гитарные силуэты, блестящие саксофоны, разноцветные аккордеоны и баяны, а в углу красовалась роскошная ударная установка. Я глядел на эту установку и даже представить себе не мог, что буду восседать за ней и, поигрывая палочками, колошматить по всем этим сверкающим барабанам и тарелкам.

«Шкаф» выписал счета и договорился о том, что, когда деньги будут переведены, мы приедем за инструментами. Прошло ещё какое-то время и вот, наконец, возжеленная ударная установка стояла на сцене школьного актового зала, а в руках Вовки, Алика и Таира сверкали лаком новые гитары и баян. Саксофон и кларнет «Шкаф» принёс свои – решил сэкономить школьные деньги на усилитель и колонки

с динамиками.

Начались репетиции. Почти каждый вечер я нёсся в школу и там садился на высокий табурет, стоящий позади установки. Я ставил ноги на педали большого барабана и чарльстона, брал в руки палочки и погружался в удивительный и зачаровывающий мир. Стоило мне чуть сбиться, как тут же рушился весь рисунок произведения. Конечно, я не был самым главным в ансамбле, но от ритма, задаваемого мной, моего состояния зависело состояние всех, зависела энергия, передаваемая со сцены в зал, зависело общее настроение. Я это быстро понял, старался не подкачать и не подвести ставших моими друзьями «Шкафа», Вовку, Алика и Таира...

И вот через несколько месяцев состоялся наш первый концерт. Мы выступали на школьном вечере и сыграли около двадцати подготовленных номеров. Там были и известные песни типа «Очи чёрные», «Подмосковные вечера», «Калинка», но были и такие, как «Вниз по реке» и «Когда святые маршируют». Нас приняли на ура. И школьники, и учителя. Даже строгий директор Александр Палыч, не стесняясь, поднялся на сцену и вместе со «Шкафом» в два голоса пропел

Oh when the Saints go marching in,
When the Saints go marching in,
Oh Lord I want to be in that number,
When the Saints go marching in.

Откуда он знал? Знал, оказывается.

После этого концерта мы стали известными и популярными в районе. Нас постоянно приглашали то выступить на каком-то заводском мероприятии, то сыграть в ресторане на свадьбе или юбилее, то на вечерах в других школах. Росла и личная известность. Часто, возвращаясь вечером после репетиции и проходя мимо кучки стоящих в темноте парней, я слышал приветственные слова в мою сторону и немного завистливое, но доброжелательное, сказанное кем-то в толпе: «Не трогать, это – наш музыкант». Я был горд.

Постепенно наша популярность росла, мы вышли за пределы района и начали играть в соседних. Однажды нас собрал «Шкаф» и возвестил

– Пацаны, – играем в Филатовской больнице, – там в честь восьмого марта банкет, и мы приглашены.

Это был удивительный праздник. В большом зале стояли накрытые столы, за ними сидели нарядные женщины – врачи, медсёстры и санитарки, и не было ни одного лица мужского пола. Среди столов выделили место для нас, а в самом центре над барабанами возвышался я. Я колотил по своим барабанам и тарелкам так, что от них искры сыпались. И, наверное, они сыпались не только от них, но и от меня, потому что я – шестнадцатилетний парень – всё время был окружён хорошенькими и подвыпившими барышнями, которые в коротких паузах вливали в мой автоматически открывающийся рот немного разбавленного спирта и тут же запикивали вслед за ним или пирожное, или шоколадную конфе-

ту. «Шкаф» же и Таир периодически с кем-то обнимались и, бросая нас – Вовку, Алика и меня на произвол судьбы, исчезали с очередной особой в больничном коридоре...

Всем было хорошо...

Уже за полночь мы выбрались из больницы и, кое-как волоча инструменты, добрались да трамвайной остановки. Несколько сестричек вызвались нас провожать. Подошёл трамвай. Наверное, один из последних. Нам предстояло ехать почти через полгорода. Мы разместились в пустом вагоне, и тут мне пришла в голову идея.

– Юрий Ильич, давайте сыграем.

– А что... отличная мысль, – развеселился ещё больше итак весёлый «Шкаф».

– Давайте, давайте, – подхватили отправившиеся с нами сестрички. (Для меня так и осталось тайной – к кому...)

Ильич достал свой сакс, Таир – баян, Вовка и Алик – гитары, а я расчехлил малый барабан.

– Три – пятнадцать, – скомандовал «Шкаф», – посмотрел на меня и заговорщицки подмигнул.

В трамвайном вагоне зазвучали звуки знаменитого и так любимого нами марша «Когда святые маршируют». Я бил по своему барабану, изредка поглядывая на дирижировавшего саксофоном Юрия Ильича, и вместе с подпевающими девицами гнусавил

When the Saints go marching in...

По спящему городу ехал музыкальный трамвай, который сразу заполнился пассажирами. Никто не выходил. Только входили. Люди смеялись, шутили, пели, плясали, обнимались... Трамвай катил по рельсам через ночную Москву, иногда сигналив в такт музыке, а я, отчаянно взмахивая палочками, стучал по туго натянутой барабанной коже и, перекрывая сидящих рядом девиц, поющих Таира, Вовку и Алика, что есть мочи вопил

When the Saints go marching in,
When the Saints go marching in,
When the Saints go marching in...

Аркадий Паранский

Владимир Корнилов.

Рассказы на Масленицу

Масленица

Лирическая зарисовка

Зима нынче выдалась холодная... снежная... Даже накануне весны мороз пощипывает ребят за нос и щёки. Но их это не очень беспокоит. Они потирают лицо рукавичками и веселятся. В такие морозные деньки ребята катаются с горок, играют в снежки и ходят на каток... Как хорошо мчаться на лыжах по снежной извилистой лыжне или скользить на коньках, рассекая синюю гладь льда!

В тайге в эту пору очень красиво. Пеньки стоят в снежных шапках, как казаки... По-царски пышно убраны инеем хвойные леса. Они словно одеты в дорогие нарядные шубы. Им зимою не холодно... И лишь лиственные породы деревьев, зябко позванивая на ветру голыми ветками, неуютно чувствуют себя зимой.

Медведи в это время спят. Но на снегу чётко видны следы других зверей и птиц, которые оставили свой узор на заснеженных полянах...

В конце зимы дни становятся дольше и светлее. Солнце

всё выше и выше взбирается по морозному небосклону, приветливо улыбаясь из глубокой сини и освещая всё окрест золотыми лучами... И люди, истомившиеся долгим ожиданием тепла, всем сердцем ощущают уже приближение весны...

На исходе февраля звонко затенькает на солнцепёке первая капель. Сугробы набухнут и почернеют от влаги... В марте побегут наперегонки с крутоярый говорливые ручьи, наполнив вешним шумом овраги и ложбины. Ребята в такие дни, возвращаясь после занятий из школы и весело размахивая портфелями, торопятся домой, где они с друзьями в своих дворах будут мастерить скворечники... В апреле небо оживится гомоном перелётных птиц, которые возвратятся к своим родным гнездовьям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.